

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПЛАСТЫ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ

а территории Верхнего Прикамья мы выделяем четыре основных языковых источника названий: 1) пермский: коми-пермяцкий, коми-зырянский, удмуртский; 2) угорский: мансийский, хантыйский; 3) тюркский: волжско-болгарский, башкирский, татарский, западносибирско-тюркский; 4) русский.

В книге рассматриваются только названия коми-пермяцкого, русского и тюркского происхождения.

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЕ НАЗВАНИЯ

Под коми-пермяцкими в широком смысле слова мы будем понимать все названия, которые создали коми-пермяки и их далекие предки. Это финно-угорский, общепермский и общекоми фонды на территории Верхнего Прикамья, а также собственно коми-пермяцкие топонимы, возникшие в эпоху родановской культурной общности. Поэтому ареал топонимии коми-пермяцкого

происхождения значительно шире территории нынешнего Коми-Пермяцкого автономного округа.

По грамматической структуре топонимы коми-пермяцкого происхождения подразделяются на четыре группы: простые (однокоренные), сложные, топонимы-словосочетания и топонимы, представляющие собой последовательно-именные сочетания.

Простые топонимы всегда непроизводны. У них нет таких показателей, которые перевели бы нарицательное слово в разряд топонимов. По происхождению они связаны с географическими терминами: *Чой* — 'горка', *Нõрыс* — 'холм', *Кõдж* — 'хобот'; антропонимами: *Ош* — 'медведь', *Кõч* — 'заяц', *Руч* — 'лиса', *Багай*, *Степан*, *Артамон*; этнонимами: *Манси* — самоназвание народа манси, *Вогулка* — дореволюционное название манси, *Рочез* — в переводе с коми — 'русские', *Зыряна*. Среди простых топонимов, совпадающих с географическими терминами, следует выделить такие, которые стали производными на дотопонимической стадии, то есть до того, как вошли в топонимию, например: *Буждõм* — 'обвал, осыпь', *Баддьяин* — 'ивняк', *Волькытин* — 'гладь, равнина', *Сотчõм* — 'гарь'.

Сложные топонимы состоят из двух самостоятельных слов, из которых первое — определение, второе — определяемое, обычно термин, например: *ва* — 'вода, река', *ю* — 'река, речка', *шор* — 'ручей, речка', *õр* — 'русло', *вож* — 'приток', *ты* — 'озеро', *горт* — 'родной дом, родная деревня', *ыб* — 'поле'. Структурные отличия сложных топонимов от топонимов-словосочетаний выражены слабо: границы между компонентами четкие, соединительные гласные отсутствуют.

Сложные топонимы всегда двухкомпонентны, в то время как топонимы-словосочетания могут включать два самостоятельных слова и более. Части сложного топонима срastaются в одно семантическое целое, ко-

торое не строится каждый раз заново, а усваивается целиком. Роли между компонентами сложного топонима распределяются следующим образом: определяемая часть (термин), указывая на вид объекта, вводит топоним в определенный ряд: *Иньва, Велва, Лысьва, Сылва* — названия рек; *Арашор, Барашор, Видзашор* — названия речек и ручьев; *Вильгорт, Важгорт, Зенигорт, Кушгорт* — названия поселений. Определение передает признак, которым различаются объекты одного ряда. Например, *Кыдзва*, буквально 'береза-река', то есть 'березовая река', *Лопва* — 'валежник-река', или 'валежниковая река'.

Географический термин, постоянно повторяясь в конце топонимов для определения вида объекта, приобретает значение форманта, под которым в топонимике понимается все, что часто встречается в исходе названий: окончание (-ы, -и в русских названиях типа *Белканы, Дубки*), сплав суффикса и окончания (например, -овка, в русском топониме *Покровка*), целое слово (такое как коми -ва — 'вода, река'). В то же время термин остается знаменательным словом, способным выступать топонимом самостоятельно.

В связи с описанными явлениями в коми топонимии мы ввели термин «имя-формант». Он точнее передает двойственную природу повторяющегося в конце составных названий слова и особенности топонимобразования в коми-пермяцком языке, чем термины «топонимический (лексический) формант» и «детерминатив», нередко используемые в литературе. Заметим, что при составлении «Коми-русского словаря» (1961) авторы его, столкнувшись с трудностями передачи на русском языке значений коми имен существительных, употребляющихся то как знаменательные слова, то как послелог, вынуждены были также прибегнуть к созданию сходного по функции термина — «имя-послелог».

Без топонимического термина «имя-формант» невозможно было бы исследование процессов образования и функционирования топонимов. Поскольку морфологических формантов для производства новых топонимов в коми языке нет, любой географический термин может стать именем-формантом.

Имена-форманты всегда замыкают составной топоним (сложный топоним или топоним-словосочетание). Люди, пользуясь двухкомпонентными составными названиями, невольно сливают их части, произносят с одним ударением, без паузы, например: *Лысьва, Кольва, Сылва, Кузьва*. Компоненты двухсловных комплексов особенно тесно сливаются в русском произношении, когда происходят такие фонетические изменения, как ассимиляция звуков, оглушение согласных в конце топонима, ослабление гласных в неударных слогах. Все это приводит к существенным изменениям в фонетическом составе заимствованных топонимов. Так, в названиях *Ошиб, Тошуб, Нырб, Илаб, Гириб, Рочип* конечный компонент, восходящий к слову *ыб* — 'поле', подвергся следующим модификациям: *-уб, -аб, -об, -иб, -ип*. Подобные изменения затемняют значение компонентов сложных топонимов, способствуют еще более тесному слиянию их частей.

Топонимы-словосочетания отличаются от сложных топонимов некоторыми особенностями. Общее их значение полностью выводится из суммы значений компонентов, не испытывающих никакой смысловой переработки, ср: *Ыджыт Сер* и *Учот Сер* — 'Большая Серва' и 'Малая Серва'; *Выльсь Волпа* и *Ульсь Волпа* — 'Верхняя Волпа' и 'Нижняя Волпа'; *Романшор* — 'Романов ручей'; *Кузя места* — 'Кузин участок'; *Кык вөр колас* — 'промежуток между двумя лесами'.

Топонимы-словосочетания подразделяются на простые и сложные. Простые состоят из двух компонентов:

определения и определяемого, обычно термина. В них определяющая часть обозначает переменный признак: *Виль Шулай* и *Важ Шулай* — 'Новый Шулай' и 'Старый Шулай'; *Ыджыт Бачман* и *Шөрөт Бачман* — 'Большая Бачманова' и 'Средняя Бачманова'. Простые топонимы-словосочетания могут состоять из имени и отчества: (*Лёва Иван* — 'Иван Львович'), из имени лица и сопутствующего ему слова *пиян* — 'сын' (*Миши-пиян* — 'сын Миши').

Сложные топонимы-словосочетания включают более двух компонентов. Замыкающим в них также является термин. Перед ним располагается развернутая группа определений, например: *Көтыс уссё берег дор видз*. В этом топониме определяемое *видз* — 'луг'. К нему относится определение, выраженное послеложно-именным сочетанием *берег дор* — 'прибрежный'. В свою очередь *берег дор* поясняется сочетанием *Көтыс уссё*. В целом словосочетание переводится как 'луг на берегу устья Котыса'.

В топонимах, представляющих собой послеложно-именные сочетания, первый компонент — имя существительное (нарицательное или собственное). После него стоит имя-послелог. Он уточняет место по отношению к тому, что передается именем, например: *Пруддор* — 'место у пруда', *Камасай* — 'место за Камой', *Рас-весьт* — 'место прямо против рощи'. Послеложно-именные сочетания близки к сложным топонимам. В них имя-послелог, подобно имени-форманту, играет двоякую роль. Он может употребляться самостоятельно как нарицательное слово, например: *дор* — 'место около или у чего-либо'; *сай* — 'место за прикрытием каким-либо предметом'. В составе же топонимов это значение несколько ущемляется, и имя-послелог начинает обслуживать первый компонент, детализируя пространственные значения по отношению к тому, что обозначает первый

компонент послеложно-именного сочетания. С помощью имен-послелогов можно очень тонко выразить пространственные значения. Так, по отношению к *керӧс* ('гора') можно с большой точностью передать значения: *Керӧсувт* — 'подножие горы', *Керӧссай* — 'место за горой', *Керӧсвесьт* — 'место прямо против горы', *Керӧсийыв* — 'вершина горы', *Керӧсбок* — 'место с боку горы'.

Названия рек

Простые гидронимы нередко совпадают с географическими терминами. Превращение нарицательных названий различных объектов в собственные имена (гидронимы) — одна из общих закономерностей топонимики. Терминологическое происхождение имеют, например, следующие гидронимы: *Борган* — 'ключ, источник, журчащий ручей'; *Вож* — 'приток'; *Вйам* — 'протока'; *Кӧтыс* (из *ковтыс*) — 'долина реки'; *Ошмас* (из *ӧшмӧс*) — 'колодец', в прошлом также 'источник'; *Пузым* — 'зыбкое песчаное дно реки'.

В названиях рек, особенно небольших, встречаются антропонимы и этнонимы. В гидронимию они вошли через ойконимы: *Зюльган* и *Зюльганшор*, *Софроново* и *Софроншор*, д. *Ыджыт Можга* [Большая Мочга] (*можга* — название рода удмуртов и, по-видимому, у коми) и р. *Большая Мочга*.

Гидронимия, этнонимия и антропонимия были связаны между собой во все времена. В эпоху первобытнообщинного строя, когда расселение человеческих коллективов происходило почти исключительно по родовому признаку, по имени рода называлась не только занятая им территория, но и объекты, расположенные внутри этой территории: места охоты, рыбной ловли, выгоны для скота. В этих условиях был возможен и

перенос родового имени на водный источник, реку, причем не только малую, но и значительную. Ведь название реке обычно давали в одном месте, а соседние родовые коллективы нередко перенимали его.

В Верхнем Прикамье встречаются гидронимы, полностью совпадающие с древнепермскими антропонимами на *-ег*, *-ог* и с этнонимами на *-га*, *-я*, например: *Ченог* (Ченög) — пр. Камы (Аф.), *Лолог* (Лолög), пр. Косы (Кос.), *Гыжга* (Коч.), *Эрга* (Куд.). Совпадение не случайно. Оно объясняется переходом названия рода или имени родоначальника на реку. В связи с этим наивными кажутся предположения, что, скажем, гидроним *Сюзь* (коми *сюзь* — 'филин') отражает уханье филина, а гидроним *Тылыл* — 'карась' — прикреплен в качестве названия к реке потому, что в ней водится эта рыба. Такие топонимы наверняка связаны с названием территории, принадлежавшей тому или иному семейно-родовому коллективу.

Большинство гидронимов коми-пермяцкого языка имеет сложную структуру. Но прежде чем перейти к их рассмотрению, необходимо остановиться на гидронимах с исходом *-я*.

Гидронимы на *-я* чаще встречаются на севере Верхнего Прикамья: *Гадья*, *Инья*, *Мысья*, *Расья*, *Сардья*, *Унья* (Черд.), *Бадья*, *Ворья*, *Кулемья*, *Лупья*, *Парья*, *Чикурья* (Гайн.), *Пышья*, *Чужья* (Юрл.), *Лемья*, *Урья*, *Шудья* (Коч.), *Кордья*, *Кузья*, *Пышья* (Куд.).

По языковой принадлежности, а также структуре гидронимы на *-я* неоднородны. Часть из них восходит к именам существительным со значением «место, изобилующее чем-либо»: *мырья* — 'пнистое место', *косья* — 'ельник'. Подобные слова становятся топонимами без участия форманта, например: д. *Сюзь-Позъя*, буквально — 'место, изобилующее гнездами филинов', *Турри-Позъя* — 'место, изобилующее гнездами журавлей'.

Названия реки в этих случаях нет. Топонимы такого рода иногда переносятся на речки. Так, гидроним *Лемья* связан, видимо, с географическим термином *лемья* — 'место, поросшее черемухой', а *Бадья* — с нарицательным *бадья* — 'ивняк'. Предположение тем более вероятно, что первые компоненты для гидронимов не типичны. Они обычны для характеристики местности. Что такое *Турунъя*? Это 'травянистое место', а гидроним *Сирья* — 'место, поросшее вязом'.

Правомерно предположение, что некоторые из гидронимов на -я связаны с этнонимами, или воршудными именами (названиями древнепермских родов). Это *Шудья*, *Котья*, *Апья*, *Пышья*, *Ужья*, *Урья*. Они довольно полно представлены в удмуртском языке. Удмуртским воршудным именам посвящена кандидатская диссертация М. Г. Атаманова «Этнонимы удмуртов в топонимии» (1978). По материалам диссертации опубликован ряд работ (2, с. 3—67). Автор убедительно показывает, что в основах воршудных имен, как и в основах древнейших этнонимов (в названиях родов, племен, народов), лежат названия животных и растений, выступавших в роли тотемов.

Проанализировав морфологическую структуру 70 названий удмуртских родов, М. Г. Атаманов пришел к выводу, что воршудные имена имеют устаревшие суффиксы прауральского или прафинно-угорского происхождения. Наиболее распространенные из них -а, -я (*Апья*, *Жикья*, *Котья*, *Юмья*, *Бодья*, *Уча*) и -га (*Можга*, *Пудга*, *Пурга*). Интересен факт, что воршудные имена чаще всего закрепляли за населенными пунктами, реже — за водными источниками (реками).

Названия древних родов коми-пермяков специально никто не изучал. Но из имеющихся в нашем распоряжении материалов можем привести прикамские аналогии многим воршудным именам удмуртов. При этом

воршудные имена в Верхнем Прикамье часто относятся к рекам, например: *Абья*, пр. Мели, впадающей в Язьву (удм. *Апья*), *Котья*, ныне *Котьва*, пр. Лысьвы, впадающей справа в Каму, Сол. (удм. *Котья*), *Пышья*, пр. Иньвы (удм. *Пышья*), *Ужья*, л. пр. Лолога (удм. *Ужга*), *Урья*, пр. Онолвы (удм. *Урга*), *Уча*, пр. р. Сумыч, впадающей в Каму (удм. *Уча*), *Эрга* — р. в бас. Велвы (удм. *Эгра*), *Юм* — р. в бас. Косы (удм. *Юмья*).

Перечисленные гидронимы несомненно отражают родовое деление коми-пермяков в прошлом. Правомерно думать, что по берегам рек с такими названиями простиралась родовая территория и стояли укрепленные поселения, носившие имена родов. Предположение подтверждается. Недалеко от д. Урья [Урюгорт], расположенной на берегу Урьи, пр. Онолвы, обнаружен археологический памятник ломоватовской культуры — Курõгкар.

В настоящее время гидронимы, восходящие к родовым именам, в официальных источниках имеют окончание *-я*, а в быту местные жители вместо *-я* употребляют *-у*, *-ю*: *Пышшу*, *Куззю*, *Урью*, *Парью*. Это, возможно, отражает древние процессы дифференциации окружающих объектов, находившихся на родовой территории. Однако не исключено, что расхождения между официальным написанием и местным произношением в части случаев появились в позднейшее время (уже после того как все объекты на родовой территории были четко дифференцированы, а их названия классифицированы) в целях приспособления пермских названий на *-ю* к гидронимической системе нового языка — языка поздних пришельцев (угров или русских).

Наши материалы показывают также, что некоторые гидронимы на *-я* в Верхнем Прикамье оставлены уграми (манси), появившимися здесь, по данным археологии, в середине 1-го тысячелетия н. э. Так, официаль-

ный гидроним *Лунья* легко объясняется с помощью мансийского *лун* (см. с. 118). В коми языке слову *лун* соответствует *лӧн* — 'лесная чаща, валежник'.

Наряду с гидронимами на *-я*, восходящими к географическим терминам и названиям родов, в общекоми языке были названия рек с речным термином *-ю* в исходе. Они богато представлены в русских источниках XV в. Например, в «Жалованной грамоте» Ивана III (1485) в бассейне вычегодской Вишеры перечислены речки: *Визю, Еню, Тыбю, Одю, Лопю, Сью* (18, с. 243—247). Некоторые из таких гидронимов сохранились в коми-зырянской топонимии до сих пор, например: *Косью, Лемью, Расью, Лопью, Тыбью*. В Верхнем Прикамье названия рек с такими основами тоже представлены, но они в некоторых письменных источниках имеют оформление на *-я*: *Косья, Лемья, Расья, Лопья, Тыбья*. Нам представляется, что исход *-я* в этих примерах — результат мансийского или русского приспособления. Часть из приведенных гидронимов местным населением произносится с *-ю* в исходе, например: *Косью, Лемью, Кузью*. В последнее время вместо *-ю* появилось *-ва*: *Косьва, Лемва, Кузьва*.

Из сказанного видно, что многие официальные гидронимы на *-я* в Верхнем Прикамье имеют пермское, в частности коми, происхождение, и окончание *-я* появилось у них в результате приспособления к угорской или, позднее, русской гидронимической системе. Этот вывод хорошо подтверждают названия на *-ю*, сохранившиеся на территории Коми АССР, а также произношение их коми-пермяками.

Слово *ю*, широко употреблявшееся в прошлом в коми-пермяцких диалектах Верхнего Прикамья как речной термин, в настоящее время в большинстве инвентарских говоров является устаревшим. Забвение первоначального его значения способствовало тому, что на

стыке компонентов сложных гидронимов начались звуковые процессы, например ассимиляция «й» конечному согласному предшествующего компонента. В результате из *Кузью, Пыщю, Кёрдю* получились формы *Кузью, Пышю, Корддю*.

В многосложных гидронимах на -ю конечный гласный отпал, благодаря чему из *Вежаю, Сусаю, Тылаю, Видзаю* получились формы *Вежай, Сусай, Тылай, Видзай*. Это изменение также подтверждается сохранением созвучных гидронимов на территории Коми АССР (*Вежаю, Сусаю, Тылаю, Видзаю*).

Разрушение фонетического состава ю (йу) в сложных гидронимах типа *Вежаю* привело к затемнению их общего значения и облегчило присоединение топонимических суффиксов русского языка -иха, -ка: *Вежайка, Вижайка, Визяха, Силайка*.

Таким образом, гидронимические форманты в процессе функционирования претерпели большие изменения. В настоящее время на карте Верхнего Прикамья можно встретить интересное явление — тождественные основы многих гидронимов имеют разные исходы: -я, -ю, -ва: (*Волья и Вольва, Инья и Иньва, Косья и Косьва, Лопья и Лопва, Сия и Сива, Урья, Урюю и Урва, Котья и Котьва, Пудья и Пудьва, Ядья, Едью и Ядьва, Лемья, Лёмью и Лемва*).

Гидронимы на -ва. В самостоятельном значении *ва* означает 'вода, река'. Слово общепермское, восходит к финно-угорскому языку-основе; сравните: удм. *ву*, мар. *вут*, морд. *ведь*, фин. *vete*, венг. *víz*, манс. *вит*. Названия на -ва в современной гидронимии коми-пермяцкого происхождения составляют довольно многочисленную группу.

Общекومی имя-формант -ва в названиях рек закрепился после распада пермского единства. Об этом, в частности, говорит тот факт, что в удмуртском языке

гидронимов на *-ва*, по-существу, нет, если не считать единичные случаи типа *Ува*, морфологический состав которых ждет дополнительных исследований. В связи с этим интересно отметить, что в XVI—XVII вв. некоторые из нынешних гидронимов на *-ва* зафиксированы еще без него: *Уль* (ныне *Ульва*), *Нерда* (*Нерд-ва*), *Кана* (*Канынва*). Возможно, в бассейнах этих рек в указанное время проживали иноязычные группы людей. В народных говорах имеются названия, в которых имени-форманта *-ва* нет до сих пор. Так, иньвенские пермяки говорят *Сер*, *Йӧг* вместо официальных *Серва*, *Егва*.

Преращению речного термина *ва* в имя-формант, как нам представляется, способствовали следующие обстоятельства. Прежде всего архаизация слова *ю* — '*река*'. Люди все чаще стали говорить вместо *Кузью*, *Инью*, *Лопью* — *Кузьва*, *Иньва*, *Ловва*. Далее, это *ва* они стали использовать для дифференциации водных источников от других окружающих объектов. Скажем, местность называлась *Сюзь* (от родового имени *Сюзь*), река, протекавшая по этой местности, получала название *Сюзьва*. Такой путь наименования новых объектов обеспечивал большую ясность по сравнению с недифференцированными названиями.

Вполне понятно, что, по мере того как имя-формант *-ва* становился все более продуктивным средством для оформления названий водных источников, с его помощью начали приспособлять к географической системе коми-пермяцкого языка иноязычные гидронимы в тех местах, куда коми-пермяки приходили после других народов. В этом отношении большой интерес представляют такие названия рек Свердловской области, имеющие в исходе *-ва*, как *Лозьва*, *Лобва*, *Нейва*.

В части случаев *-ва* к названиям рек присоединяли писцы, составители карт (ср. оф. *Серва* и разг. *Сер*,

л. пр. Иньвы). Точно так же есть д. *Сордва*, хотя реки с таким названием нет.

Наконец, с помощью *-ва* стали оформлять все гидронимы, употребляемые коми-пермяками, за исключением названий небольших рек и ручьев, которые получали гидроформант *-шор*.

Однако оформление гидронимов с помощью *-ва* шло неравномерно и не везде последовательно. Можно и теперь встретить однокоренные названия на *-ва* и без него, например: *Пож* и *Пожва*, *Сын* и *Сывва*, *Сюзь* и *Сюзьва*, *Уть* и *Утьва*. Подобные варианты могут относиться к одной и той же реке, например: пр. Камы с официальным названием *Коса* местное население иногда называет то *Кӧс*, то *Кӧсва*. Районный центр *Коса*, стоящий на берегу этой реки, также часто называют просто *Кӧс*.

Немногочисленны в коми-пермяцкой гидронимии названия на *-вож*. Происхождение их прозрачно. В самостоятельном употреблении *вож* — 'приток, развилка, ответвление'. Функцию имени-форманта *вож* выполняет в следующих названиях: *Шӧрвож*, буквально — 'средний приток'; *Ойвож* — 'северный приток'; *Сылвож* — 'талый приток'; *Лёквож* — 'приток, протекающий по недоступной местности'; *Сусавож* — 'кедровый приток'; *Асыввож* — 'восточный приток'; *Чуклявож* — 'извилистый приток'; *Куртьявож* — 'путаный приток'; *Ошвож* — 'медвежий приток'. Изредка слово *вож* выступает в роли гидронима без определяющей части. Иногда в значении «приток, речка» встречается древнее слово *сер* (вариант *чер*), ср. *Сер* (оф. *Серва*), л. пр. Иньвы. Но в качестве имени-форманта употребляют обычно *чер*: *Кетчер*, *Мытчер*.

Весьма распространены в коми-пермяцкой гидронимии названия с именем-формантом *-шор*, — 'речка, ручей'. В удмуртском языке ему соответствует *шур*, ко-

торое, однако, здесь обозначает всякую реку, в том числе и значительную. Например, Каму удмурты называют *Камшур*. Слово *шор*, *шур* в пермские языки попало из языка волжских болгар, в котором употреблялось в значении «болотный ручей, протока». В коми языке речной термин *шор* вытеснил однозначный *чер*, *сер*. Об этом говорят некоторые письменные источники и диалекты. Так, зюздинские пермяки вместо официального *Шотчер* (пр. Камы, Аф.) произносят *Шотшор*. речка *Ыджытшор* (Ус.) в документах 1909 и 1928 гг. значится как *Ижичер*, а пр. Косы *Янчер* в 1928 г. — *Еншор*.

Перед именем-формантом *-шор* часто стоят антропонимы, нередко христианские имена в различных формах: *Конашор*, *Сенькашор*, *Сивашор*, *Сидоршор*, *Дарьяшор*, *Софроншор*. Это помогает определить относительную хронологию появления названий на *-шор* — после принятия коми-пермяками христианства. В то же время в основах гидронимов на *-шор* можно встретить немало исконных имен (*Уршор*, *Жебкашор*, *Оишор*, *Кӧчшор*, *Кетшор*, *Баляшор*, *Томшор*, *Ракашор*, *Гайшор*), которые долгое время сосуществовали с церковными именами.

Грамматическая структура гидронимов на *-шор* соответствует коми языку: личное имя (принадлежностное определение) стоит в именительном падеже и примыкает к определяемому слову. Чтобы рассеять возможные подозрения по поводу языковой принадлежности названий на *-шор*, поскольку первые их части представляют христианские имена (а такими именами пользовались все христиане: русские, удмурты и др.), следует напомнить, что в русском языке такие топонимы приобрели бы иное построение. Слово-определение в них было бы оформлено суффиксально — *Гришино поле* (коми *Гришавьб*), *Семёнов ручей* (*Семёншор*).

Большинство названий на *-шор* появилось в связи с необходимостью осваивать еще не занятые места по малым рекам и ручейкам в период массового переселения крестьян на восток, в частности в Верхнее Прикамье.

Названия населенных пунктов

Как и коми-пермяцкие гидронимы, названия населенных пунктов чаще двухкомпонентны. В ойконимах коми-пермяки подчеркивали географические или исторические признаки поселений, а также принадлежностный признак: кем поселение основано, кто его первопоселенец.

Ойконимы на *-кар* (в русских источниках *-кор*). В общепермском языке *кар* — 'укрепленное местожительство коллектива', позже 'городище'. По данным археологии, укрепленные поселения стали появляться со времен ананьинской культурной общности (1-е тысячелетие до н. э.). Топонимы на *-кар* сохранились как на карте Коми-Пермяцкого автономного округа (*Кудымкар, Майкар, Дбйкар*), так и в местах бывшего проживания коми-пермяков (*Искор, Редикор, Крымкор, Пыскор*). Иногда древние названия носят места заброшенных поселений (*Кочкар, Дзугыркар, Зырянкар, Чумкар, Курбгкар*). Старые люди и теперь рассказывают, будто бы в таких местах похоронили себя заживо в больших ямах чуды, или чудь. Предания о чуди бытуют во многих районах Верхнего Прикамья, в Коми АССР, а также в Афанасьевском районе Кировской области, словом, там, где некогда сменили пермское население русские. Они-то и называли своих предшественников чудью, что означало в те времена — «не наш, чужой, необычный, странный». В близком значении зафиксировал это слово В. И. Даль в речи жителей быв-

шей Архангельской губернии. Здесь нет возможности вести разговор о чуди. Ей была посвящена специальная конференция, материалы которой опубликованы (38, с. 106—141). Мы хотим лишь подчеркнуть, что многие названия на *-кар* древни и поэтому кажутся таинственными.

В Верхнем Прикамье наименование древних укрепленных поселений происходило в основном по тем же признакам, что и в Удмуртии, в частности в бас. Чепцы (31, с. 12—22). Первые компоненты топонимов на *-кар* в Верхнем Прикамье чаще имеют следующие значения:

1) поселение большой патриархальной семьи, группы родственников. Например, *Сикыскор* — д. при с. Рождественском (бас. Обвы). В 1858 г. зафиксированы такие фамилии жителей: Вотинов — 4 семьи, Постаногов — 4 семьи, Ложкин — 1 семья. Топоним связан с коми-зырянским словом *сикас* — 'коллектив близких родственников или равных по положению людей';

2) личное имя главы рода или большой патриархальной семьи, возможно тотемистического происхождения. Таковы *Курёгкар*, *Чешкор*, *Майкор*, по-видимому, *Ошкар* (см.);

3) географические термины: *Искор*, *Метшкор*, *Пыскор* (см.).

Мы привели лишь малую часть топонимов на *-кар*, *-кор*. В нашей картотеке их более 30. С помощью коми-пермяцкого языка и других пермских языков можно дать более или менее удовлетворительное объяснение большинству таких названий. Это убедительно говорит о том, что создали их предки коми-пермяков. Чужды коми языку лишь первые компоненты единичных ойконимов, например *Редикор*, *Крымкор*.

Для коми-пермяцкой ойконимии характерны также названия на *-горт*, в самостоятельном употреблении —

'дом, деревня, родина'. Ойконимы на *-горт* не так древни, как на *-кар*, хотя многие из них забыты. Они появились в связи с возникновением сельской территориальной общины и малой семьи. Первые компоненты названий на *-горт* чаще обозначают лицо — главу семьи.

На современной карте Верхнего Прикамья топонимы с исходом *-горт* не часты. Сохранились лишь такие, как *Вильгорт*, *Камгорт*, *Кушмангорт*, *Мысагорт*, *Позагорт*. Более многочисленны названия с именем-формантом *-гурт* (родственным коми *-горт*) в удмуртской топонимии: *Пертегурт*, *Адямигурт*, *Қомакгурт*, *Анигурт*, *Бибаньгурт*, *Телегурт*, *Сенькагурт* и др. (75, с. 96).

Зато немало топонимов на *-горт* живет в микротопонимии Верхнего Прикамья. Они обычно прикреплены к урочищам, полям. Так, в Чердынском районе встречаем *Лабгорт* — место бывшего поселения у с. Янидор; *Зенигорт*, *Калягорт* — бывшие поселения около с. Вильгорт; *Важгорт* — поле около с. Бондюг. Часть ойконимов на *-горт* живет в названиях близлежащих речек: *Важгортка* — у д. Лучниково (Юсьв.); *Камгортка* — у с. Пыскор (до строительства монастыря, 1560 г., Камгорт).

Нередко в основе названия слово, обозначающее участок земли, подготавливаемый под пашню. Чтобы очистить землю от леса, нужно было сначала окорить деревья (коми *вольны* — 'окорить'), затем высохшие на корню — срубить (коми *октыны* — 'повалить дерево'). Расчистка завершалась выжиганием. В результате получалось *тыла* — 'росчисть'. В топонимии Верхнего Прикамья нашли отражение все перечисленные этапы освоения лесных площадей: *Талавол* — из *Тылаволь* (Красновпш.), *Вольвыл*, *Деренволь* (Кос.), *Кырволь*, *Тукволь*, *Лягайволь* (Коч.), *Попанеоль*, *Онисьволь* (Куд.), *Тыла*, *Тывашор*, *Октас*, *Октасшор* (Юсьв.).

На отвоеванном у леса участке возникало поле — *ыб*. Этот термин также вошел в топонимию, обычно в сочетании с именем владельца. Названий на *ыб* (в документах иногда *-иб*, *-ип*, *-аб*, *об*, *-уб*) в Верхнем Прикамье немало. Они представлены в ойконимии Коми-Пермяцкого автономного округа и мест более раннего проживания коми-пермяков (*Ошиб*, *Вилиб*, *Лёкиб*, *Гириб*, *Мушиб*, *Важиб*, *Ручиб*, *Чаньяиб*, *Каньяоб*, *Илаб*, *Модороб*, *Чигироб*, *Ныроб*). Названия этой модели густо представлены и в микротопонимии Верхнего Прикамья. Так, в Чердынском районе, около с. Яндор, есть *Матыныб* — 'ближнее поле', а также *Кудаыб*, *Антаныб* с затемненными первыми компонентами; около с. Лызово — *Адзиб*, *Гагьяиб*; у с. Покча — *Пойиб*; у пос. Пильва — *Сыниб*; возле д. Курсиб — *Унеиб*, *Сёрдыб*; у с. Искор — *Сюгаб*, *Начиб*, *Лидорыб*; около с. Бондюг — *Синяиб*, *Гайиб*. Около д. Немзя (Красновнш.), по сообщению Г. Н. Чагина, есть поля с коми названиями: *Тылыгоб*, *Терехаб*, *Крусан*, *Вырып*, *Лынып*, *Подутрёноб* (первые части этих названий сильно искажены, поэтому трудно поддаются объяснению). Топонимы на *-ыб* — свидетельство того, что земледелие уже прочно вошло в жизнь коми-пермяков.

Тесные связи коми-пермяков с русскими отражены в топонимах с термином *пальник* (выжженное место в лесу): *Дзель-Пальник*, *Важ-Пальник*, *Вась-Пальник*, *Шайтан-Пальник*, *Харитон-Пальник*. Перед словом *пальник* стоят почти исключительно антропонимы.

В коми-пермяцкой топонимии встречаются названия на *-мыс*. Слово заимствовано из русского языка. Но здесь, как, впрочем, и в русских говорах Верхнего Прикамья, оно приобрело несколько иное значение: холм, возвышенность, высокое место, гора. Таковы названия *Кышкамыс*, *Степанмыс*, *Агафонмыс*, *Идмыс*, *Мокшмыс*, *Гёрдымыс*.

Коми-пермяцкие поселения могли получать наименования по ближайшим рекам на основе метонимического переноса. Так появились: *Юсьва, Кузьва, Дубшор, Котокшор, Дарьяшор, Ойвож, Сылвож*. С гидронимами связаны и такие ойконимы, как *Янчер, Пый, Оныл, Коса*. Поселение на берегу реки иногда называли просто — берег (край) такой-то реки. Например: *Истердор, Волнадор, Иньвадор, Лопвадор, Юсьвадор*. В этих словах *дор* — 'край, берег реки'.

Деревни в истоках рек могли получать названия на *-йыв*, что в самостоятельном употреблении — 'исток, верховье'. В русских документах *-йыв* нередко переходит в *-ив*: *Шорив* из *Шорйыв*, *Вежаив* из *Вежаййыв*. Изредка *-йыв* в топонимах означает — 'вершина горы'. Так, д. Пармайлова коми-пермяки называют *Пармайыв* — 'вершина горы Пармы'. В письменных источниках такие топонимы Коми-Пермяцкого округа часто соответствуют названиям с русским словом *верх*: *Верх-Юсьва, Верх-Иньва* (старожилы называют *Иньвайыв*), *Верх-Мега, Верх-Лупья, Верх-Ядьва, Верх-Коса, Верх-Лома*.

В поисках свободных земель, годных для освоения под пашню, люди уносили с собой названия старых населенных пунктов, прибавляя к ним слово *виль* — 'новый'. Так появились *Виль-Батина, Виль-Ванюк, Виль-Шулай, Виль-Осипова, Виль-Чигас, Виль-Чукыль, Виль-Добрынин* и др.

В коми-пермяцкой ойконимии, в формировании которой участвовали перечисленные модели, большую роль сыграли антропонимы: родовые прозвания, языческие имена, прозвища и прозвищные имена, а также христианские имена во всех их разновидностях. Преобладающая часть ойконимов восходит именно к антропонимам, которые, как и топонимы, исторически обусловлены. В современной коми-пермяцкой ойконимии представлены антропонимы всех общественных формаций.

В эпоху первобытнообщинного строя антропонимы были связаны с названиями животных. Люди носили имена: *Ош* (*Медведь*), *Кõин* (*Волк*), *Кõч* (*Заяц*), *Руч* (*Лиса*), *Ябыр* (*Скворец*), *Сюзь* (*Филин*). Так было у всех народов мира. Названия животных совпадали с названиями тотемов рода, следовательно, указывали на принадлежность человека к роду, тем самым давали родовые права. Внутри же рода людей различали по именам-кличкам.

Имена эти сохранились у коми-пермяков до принятия ими христианства, а после христианизации еще жили в качестве прозвищных. Церковные же имена долгое время оставались чуждыми: были непонятны, произносились с трудом.

Большинство дошедших до нас ойконимов восходит уже к позднейшим языческим именам и прозвищам, а также к полным и уменьшительным формам христианских имен первопоселенцев.

Необычная для современного человека связь между названиями животных и ойконимами порождает различные, подчас совершенно невероятные объяснения. Вот одно из них. Деревня Ошиб (Куд.) будто бы названа так потому, что в старину посреди деревни водили медведя, заставляя его плясать, развлекать публику. Отсюда, мол, и *Ошиб*, буквально — 'медвежье поле'. Этот топонимический миф не учитывает два важных обстоятельства. Во-первых, поселение, наверное, имело такое название до того, как стал развлекать его жителей медведь. Во-вторых, непонятно, при чем здесь поле?

Самые поверхностные наблюдения показывают, что в населенных пунктах с такими названиями обычно имеется род, или семейно-родственная группа, которая ведет свое происхождение от первопоселенца по имени *Ош* (*Кõч*, *Руч* и т. д.).

До сих пор мы рассматривали коми-пермяцкие ойконимы, в которых антропонимы выступают в качестве первых компонентов сложных и составных названий. В коми языке довольно часто антропоним становится ойконимом без присоединения имени-форманта: *Варыш* — 'ястреб', *Зиткай* — 'большая синица', *Ош* — 'медведь', *Сюзь* — 'филин'. Только в официальных документах и в русских источниках такие антропонимы обрастают принадлежностными топонимическими суффиксами *-ово, -ево, -ова, -ева, -ина, -ино*: *Кочёво* (Кӧч), *Ошова* (Ош), *Пыстогова* (Пистӧг), *Сизёва* (Сизь), *Сюзёва* (Сюзь), *Ябырова* (Ябыр), *Ракино* (Рака).

Эта закономерность распространяется и на топонимы, в основах которых христианские имена: *Артамоново* (Артамои), *Дёмина* (Дёма), *Ермакова* (Ермак), *Митина* (Митя), *Ортина* (Ортя), *Степанова* (Степан), *Федотова* (Педӧт), *Демидова* (Демид).

Интересно отметить также, что иногда топонимами становились сочетания имени и отчества, не оформленные специальными суффиксами: *Спир Омель* — Емельян Спиридонович, *Лёва Иван* — Иван Львович. В единичных случаях топонимом является имя отца, сопровождаемое словом *пиян* — 'сын'. Например: *Сеню-Пиян* — 'сын Сенечки', *Миши-Пиян* — 'сын Миши'.

Следует остановиться и на коми-пермяцкой микро-топонимии. Она тесно связана с производственной деятельностью людей и в настоящее время в связи с крупными преобразованиями в деревне претерпевает большие изменения. Быстро забываются старые названия полей, лугов, на смену приходят новые.

В коми-пермяцкой микро-топонимии существуют те же структурные типы, что и в названиях населенных пунктов. Только почти не представлены тесно спаянные сложные комплексы. Зато очень много топонимов-словосочетаний. Выделяются простые и сложные сло-

восочетания. Простые обычно состоят из определения и определяемого существительного: *Гажтём лог* — 'Мрачный лог', *Ыджыт туй* — 'Большая дорога'. Встречаются также сочетания двух существительных, из которых первое поясняет второе: *Ош ляга* — 'Медвежья ляга', *Гёрдий лог* — 'Гордеев лог'.

Сложные микропонимы-словосочетания возникают из простых — у их компонентов появляются зависимые слова. Таков микропоним *Ключ юр увт лог дор видз* — 'Луг у лога под истоком ключа'. Он представляет собой сложное словосочетание, состоящее из двух простых: *лог дор видз* — 'луг у лога' и *ключ юр увт* — 'место под истоком ключа'. Компоненты таких сложных словосочетаний связаны между собой только порядком следования, но не морфологически.

В коми-пермяцкой микропонимии обильно представлены также послеложно-именные сочетания. Послелоги употребляются в этом языке вместо предлогов. Они показывают местоположение одного объекта относительно другого. Например: *Бодич вевдёр ыб* — 'поле, находящееся выше д. Бодич'; *Миня дынись нос* — 'мост, находящийся у д. Миня'; *Вёр дор шор* — 'ручей у опушки леса'.

Микропонимы — это начальная стадия развития топонимов. Правда, далеко не все микропонимы перерастают в топонимы. Но почти каждый топоним рождается в какой-то местности и вначале имеет весьма ограниченную известность.

Мы рассмотрели коми-пермяцкий топонимический пласт в том виде, в каком он представлен в Коми-Пермяцком автономном округе и в местах, где следы прежнего пребывания коми-пермяков еще не стерлись. Наблюдения показывают, что коми-пермяки и их предки выработали богатую и разнообразную систему то-

понимни. В нее входят названия, созданные после распада общепермского единства и отчасти в более древние периоды. Признаками коми-пермяцких топонимов являются имена-форманты *-ю, -ва, -шор, -кар, -горт, -ыб* и др. Они служат безошибочным свидетельством принадлежности названия коми источнику, сообщают о том, что топонимы, оформленные с их помощью, длительное время были в употреблении у коми-пермяков или их предков.

Особый и трудный вопрос — выявление пермской топонимии Среднего и Нижнего Прикамья, находящейся теперь под русским и тюркским пластами. Для ее обнаружения нужны глубокие знания не только пермских, но и тюркских языков. Этого вопроса мы в данной книге не затрагиваем.

ТЮРКСКИЕ ТОПОНИМЫ

В топонимии Верхнего Прикамья определенное место занимают тюркские названия. Они попали сюда как через посредство нетюркских народов, пользовавшихся тюркской топонимической лексикой (терминами географии, антропонимами), так и непосредственно от волжских и западносибирских тюрков, отдельные группы которых поселялись среди пермского населения в поисках свободных земель (волжские тюрки главным образом после включения Казанского ханства в XVI в. в состав Московского государства).

К тюркскому источнику мы относим прежде всего часть топонимов на *-ым, -им*. Об их происхождении в науке нет единого мнения. Большинство ученых связывает эти названия с каким-то неизвестным древним языком или с угорским источником (68, с. 26; 62, с. 49). Сторонники угорской гипотезы происхождения таких названий выставляют обычно в качестве одного из ар-

гументов наличие в угорских языках отглагольных имен на *-ум, -юм, ѓм, -м*. Но отглагольные имена с *м*-овым суффиксом имеются и во всех пермских языках. Ср. коми *-ѓм* в отглагольных существительных и причастиях. Топонимы, образованные от таких имен, не могут быть древними (на территории пермских народов допермскими, докоми), как принято считать. Отглагольные имена отражают какое-либо событие, случай, иначе говоря, являются окказиональными. Их употребляют обычно в сочетании с другими словами, зависящими от имени, и относят к микротопонимам. А микротопонимы недолговечны. Так, названия на *-ѓм* в коми-пермяцком языке непрерывно обновляются. Старые названия вытесняются другими отглагольными именами, обозначающими новые действия, новые, более актуальные для современников случаи.

Разумеется, какая-то часть названий на *-ым, -им*, особенно на территории манси и ханты, может иметь угорское происхождение. Вероятным представляется происхождение названий на *-ым, -им* от угорских частей прошедшего времени. Такие слова легко могли стать прозвищами людей, а прозвища, как известно, нередко входят в топонимию.

Бесспорно, однако, что исходы *-ым, -им* имеют многие тюркские антропонимы, например: *Айтым, Кадым, Казым, Касим, Муслим, Назым, Надым, Салим, Тасим* и др. В книге «Башкирские шежере», в которой рассказывается об истории башкирских родов, находим: *Актым, Баим, Галим, Карим, Мусалим, Мурадым, Мирсалим* и др. Такие имена могли войти в топонимию через самих тюрков, а также угров, удмуртов, пользовавшихся тюркской антропонимией. Тюркские антропонимы, как и пермские, входят в топонимию без форманта. Скажем, поселился на данном месте Надым. Оно тотчас получает имя своего первопоселенца — На-

дым. Суффиксами тюркские ойконимы, как и пермские, оформлялись в прошлом только в официальных источниках. Так, Муслим в письменных источниках представлен в виде *Муслимово* (Тат. АССР).

Антропонимы на *-ым*, *-им* были известны всем тюркским языкам, но по происхождению они не тюркские. Язык-источник их арабский. Волжские тюрки распространили эти имена по всему Волго-Камью. В Коми-Пермяцком округе находим: *Солым*, или *Салым* — поселок (Кос.), *Будым* — поселок (Гайн.), *Муртым* — река и бывшая деревня на ней (Куд.). Какая-то часть топонимов на *-ым*, *-им* может восходить к тюркским географическим терминам. Так, *Тарым*, *Ирим* полностью совпадают с нарицательными *тарим* — 'приток реки', а *ирим* — 'озеро на месте старицы'.

Под топонимический тип на *-ым*, *-им* иногда приводят коми-пермяцкие названия на *-ӧм*. Например, ойконим *Буждӧм* (Кос.) в ряде источников дается в виде *Буждым*, а в другом районе округа он бытует в прежнем виде, сохранив прозрачным первоначальное значение — 'место обвала, осыпь'. Точно так же топоним *Ой-Пожум* (см. с. 127) встречается иногда в форме *Ой-пожым*, или *Ойпожим*. Коми-пермяцкий язык этому процессу не сопротивляется. В северных говорах звуки «ы» и «у» чередуются, и местные коми-пермяки обе формы топонима воспринимают как одинаково приемлемые.

Таким образом, топонимы, объединяемые часто в одну группу на основе сходства конечного элемента *-ым*, *-им*, на поверку оказываются разноязычными.

Часть тюркских названий на территорию Верхнего Прикамья проникла через волжских болгар. В XIII в. Волжская Болгария была покорена Золотой Ордой. Многие болгары, теснимые завоевателями, бежали в Среднее и Верхнее Прикамье, принеся с собой привычные антропонимы и географические термины. Видимо,

к этому времени относится и появление ойконимов с этнонимом *болгары* в основе. Существуют *Болгары* — населенные пункты (Перм. и Очер.). Отдельные тюркские названия, главным образом антропонимического происхождения, можно встретить и в других районах. Так, близок к башкирскому антропониму *Сулпан* топоним *Сылпан* — небольшая возвышенность около г. Кудымкара. На Сылпане была д. Шайдурова, в ней в 1834 г. проживало семь семей с фамилией *Шайдуров*. Деревня с таким названием имеется и теперь в Верх-Юсьвинском сельсовете. В основе ойконима тюркский антропоним *Шайдар*, или *Шайдур* (*Шайдыр*), которым пользовались и удмурты.

Волжско-тюркские топонимы Верхнего Прикамья чаще встречаются вперемешку с удмуртскими. Интересен такой пример. В р. Истер, л. пр. Иньвы (Юсьв.), слева впадает речка со странным для коми-пермяцкого языка названием *Шордашор*, в буквальном переводе — 'ручей да ручей'. При ближайшем рассмотрении оказывается, что здесь нет повторения *шор* — 'ручей'. *Шорда* (из тюрк. *шарда*) — 'болотный' (в основе прилагательного *шар* — 'болото'). Речка и впрямь болотная. Из трех деревень, стоящих на Шордашоре, две имеют названия, прямо указывающие на пребывание здесь удмуртов: д. *Бодич* (*Боддя* — удмуртское родовое имя) и д. *Вотяково* от дореволюционного этнонима *вотьяк* — удм. При дальнейшем исследовании топонимии местности выяснилось, что название р. Истер, принимающей воды Шордашора, тоже тюркское: у волжских тюрков есть имя *Истер*, *Иштер*, от него же *Иштерьяк*.

Население Верхнего Прикамья, по-видимому, пополнилось и за счет пришельцев из Западной Сибири, откуда вместе с тюрками-кочевниками, совершавшими набеги на Пермь Великую, сюда проникали обские угры,

а возможно, и кеты¹. В топонимии, принесенной восточными тюрками, есть названия, сходные с кетскими: Так, первая часть гидронима *Лытва*, пр. Вильвы, находит удовлетворительное объяснение с помощью кетского слова *лыт*² — 'гора'. Притоки Лытвы также имеют неместные названия. Например, *Урса* можно вывести из тюрк. *ур-су* — 'горная река, вода'.

Топонимы с тюркскими основами сгущаются на юге Пермской области, где тюркское население вперемешку с русскими проживает до сих пор. Во многих названиях с тюркскими основами можно выделить татарские или башкирские личные имена и прозвища, которые иногда повторяются в названиях Верхнего Прикамья. Таковы *Батуево* (*Батый, Батуй*), *Булатовка* (*Булат*), *Канабеково* (*Канабек*), *Курманаево* (*Курманай*), *Бердыкаево* (*Бердыкай*), *Юлаево* (*Юлай*), *Исламово* (*Ислам*), *Шайтаново* (*Шайтан*), *Камаи* (*Камай*), *Баяндино* (*Баяндай*), *Тарабаево* (*Тарабай*), *Култаево* (*Култай*), *Лысманово* (*Лысман*).

Нередко основы тюркских топонимов совпадают с географическими терминами, названиями деревьев: *Кармала* (от *карма* — 'вяз'), *Шорша* (*шаршы* — 'быстрина', *шыршы* — 'ель'), *Таз* (*таз, саз* — 'болото'), *Бырма* (от *бурма* — 'извилина, изгиб, поворот'), *Кабак* (*кабак* — 'высокий берег, обрыв'), *Булак* (*булак* — 'родник').

В районах сгущения тюркских и тюркско-удмуртских названий встречаются фамилии от тюркских антропонимов: *Кунакбаев, Рахмангулов, Гумеров, Бачурин, Кучумов, Булатов*. Иногда носителями тюркских фамилий, особенно в Верхнем Прикамье, являются уже коми-

¹ Кеты — малочисленная народность, проживающая по берегам Енисея и его притокам — Сыму, Дубчесу, Елогу, Курейке.

² Кетские названия приводятся по работе А. П. Дульзона «Былое расселение кетов по данным топонимики». — В сб.: Географические названия. М., 1962.

пермяки или русские. Так, в Юсьвинском районе есть фамилии: *Туляев, Батаев, Колыхматов* (от *Кулыхмат*), *Кылосов* (*Кылысбай*), *Сюркаев* (*Сюркай*), *Баяндин* (*Баяндай*), *Ботев* (*Боти, Ботий*), в других районах Коми-Пермяцкого округа — *Надымов, Батуев, Салтанов, Бормонтов*, или *Бурмантов* (от *Бурмантай*).

Имена, легшие в основу фамилий, носили и северные удмурты, заимствовавшие их у каринских татар, оказавшихся в бас. Чепцы с XIV в., и бесермян, носивших в основном тюркские и мусульманские имена (76, с. 51). Тюркские имена долгое время были популярны и у русских (84, с. 9). Это же можно сказать и о коми-пермяках. Они длительное время находились в тесных контактах с южными соседями и, надо полагать, нередко пользовались их именами. Из истории известно, что Волжско-Камская Болгария в XII в. охватывала огромную территорию на средней Волге и в Волго-Камье. А это означало, что окружавшие болгар народы не могли не пользоваться тюркскими именами. Антропонимы — наиболее интернациональные слова, легко переходящие из одного языка в другой.

РУССКИЕ ТОПОНИМЫ

Русскими в широком смысле являются топонимы, не только образованные от исконно русских основ с помощью словообразовательных средств русского языка, но и многочисленные заимствования, испытавшие ту или иную обработку со стороны русского языка, словом, все топонимы, имеющие фонетическую и грамматическую форму русского языка и встречающиеся среди русских. А из этого следует, что в русский топонимический фонд Верхнего Прикамья правомерно включать названия Коми-Пермяцкого округа, вошедшие после русской обработки в официальные источники. В то же

время все эти названия входят в национальный топонимический фонд. Например, официальное название коми-пермяцкой д. *Нёпино* можно считать и русским топонимом: оно не только представлено в русских источниках, но и имеет словообразовательные признаки слов русского языка. Коми-пермяки чаще пользуются национальным вариантом *Нёп, Нёпин* (от *нёп* — 'низина').

В книге есть специальные разделы о коми-пермяцких, тюркских топонимах. Это освобождает нас от рассмотрения русской топонимии в широком смысле слова. Тогда русские названия растворялись бы в массе иноязычных по происхождению топонимов, неизбежны были бы повторения отдельных положений, касающихся топонимических пластов по их языковой принадлежности.

Официальной датой присоединения Перми Великой к Московскому государству считается 1472 г. Однако есть основания полагать, что русское население начало проникать в прикамские леса значительно раньше. Заселение их, согласно письменным источникам, началось с Верхнего Прикамья — низовьев Колвы и Вишеры. Отсюда колонизация шла на юг. Основную часть русских переселенцев составляли выходцы из северных и поморских городов: Вологды, Тотмы, Устюга Великого, Белоозера, Холмогор, Каргополя, Сольвычегодска. Большинство пришельцев оседало в Верхнем Прикамье, меньшая часть (выходцы из центральных областей страны и Поволжья) — главным образом в Среднем и Нижнем Прикамье.

Места прежнего жительства новоселов достаточно полно отражены в фамилиях: *Вагин, Ветлугин, Вылежанин, Выцугжанин, Вологдин, Вологжанин, Вычегдин, Галичанин, Двинянинов, Казанцев, Кобрин, Колмогоров, Колмогорцев, Каргопольцев, Лалетин, Москалев,*

Мезенцев, Москвитин, Немтин, Нижегородов, Поморцев, Пинягин, Пинежанин, Подвинцев, Тверитинов, Тотмянин, Сысолятин, Сысолетин, Углицкий, Устюгов, Устюжанцев, Южанин, Южанинов и др.³

Русская топонимия Верхнего Прикамья изучена слабо, специальных работ немного, да и те посвящены частным вопросам (11, 30, 56, 57). Наиболее значительно исследование В. А. Оборица (51). Проанализировав тексты писцовых книг на территории Пермской области, автор пришел к выводу, что большая часть крупных естественногеографических объектов к приходу русского населения в Прикамье уже была названа. Об этом же, в частности, говорят и следующие факты. На карте Пермской области 1956 г. в пределах Чердынского и Ныробского районов зафиксировано 80 гидронимов, из них с исконно русскими корнями и суффиксами только 9: *Еловка, Берёзовка* (два объекта), *Ларевка, Жерновка, Ольховка, Рассоха, Берёзовая, Кременная*. Все остальные относятся к дорусским пластам. В их числе 8 имеют морфологические признаки русского языка: *Луньевка, Лызовка, Чишева, Тумская, Чепец, Вишерка, Вижаиха, Уролка*. Остальные и теперь полностью не адаптированы русским языком. В них выступают фонетические, словообразовательные и другие «родимые пятна» языка-источника; ср. например: *Джурич, Толыч, Сумыч, Ялпач, Вурда-Ель, Лопья, Сурья, Пож, Уч, Неч, Интым, Тимшер, Ньюзим, Колва, Еньва, Вижай, Кумай, Немьд, Солман, Няризь, Байдач, Бубыл, Пыдол*. На менее подробной карте Пермской области 1966 г. на этой же территории всего 10 гидронимов, из них 9 относятся к дорусскому фонду: *Колва, Кельтма, Пильва, Лопья, Вишерка, Тимшер, Су-*

³ Фамилии выписаны в том виде, в каком они представлены в ревизских сказках XIX в., хранящихся в Государственном архиве Пермской области (ф. III, оп. I).

мыч, Немыд, Вижай. Один гидроним (*Берёзовая*) принадлежит русскому языку.

Полнее, чем карты, отражают гидронимию списки населенных пунктов. В них указаны не только относительно крупные, но и малые реки, ручьи. Так, в Верецагинском районе по спискам 1928 г. насчитывается 75 гидронимов. Большинство из них (57) создано из слов русского языка: *Талая, Боровая, Мутная, Косая, Ольховка, Хмелёвка, Берёзовая, Черновка, Каменка, Дикарка, Снегирёвка, Неумоевка, Умываевка, Заболотинка* и др. На географические карты эти названия не попали.

Но неверно было бы думать, что все небольшие реки и ручьи впервые получили названия от русских. Какая-то часть из них, надо полагать, была известна и дорусскому населению. Но часто новые поселенцы заменяли старые названия небольших объектов своими. Нередко в основу наименования такого объекта попадала (иногда через ойконим) фамилия (имя) крестьянина, имевшего здесь свой участок. Таковы *Мартыновка, Тарасовка, Мосенка, Никулинка, Афонинская, Софоновская*. Из 75 гидронимов 18 оставлены предшественниками русских. Это, как правило, названия более значительных рек: *Обва, Лысьва, Нытва, Вож* и др.

Таким образом, к приходу русских крупные географические объекты в основном уже имели названия, поскольку бассейны больших рек заселялись раньше, а потом в поисках незанятых земель люди осваивали и малые. Со сменой населения названия крупных объектов менялись редко.

Освоение Верхнего Прикамья русскими протекало в основном мирно. Два дружественных народа, русские и коми-пермяки, тяготели друг к другу. Длительное двуязычие, установившееся с приходом русского населения, способствовало более или менее полному перене-

сению в русский язык местной топонимии. Этим же объясняется и тот факт, что дорусские названия в Прикамье в основном хорошо сохранились, например, многие топонимы вошли в русский язык в своем первоначальном виде: *Камгорт, Вильгорт, Ошвож, Сюзьва, Сива*.

Однако коми-пермяцкий и русский язык сильно отличаются по звуковому составу и грамматическому строю. Поэтому значительное количество коми-пермяцких топонимов подверглось соответствующей языковой обработке, пока не стало звучать совсем по-русски. Это обстоятельство заставляет нас специально остановиться на основных закономерностях освоения географических названий коми-пермяцкого происхождения русским языком.

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЕ ТОПОНИМЫ В РУССКОМ УПОТРЕБЛЕНИИ

Освоение заимствованных топонимов — это прежде всего подчинение их фонетической и грамматической системе заимствующего языка. Освоенные слова становятся обычными, незаметными. Былую чужезычность их можно установить только этимологическим анализом.

Началом освоения иноязычных топонимов является их звуковое приспособление, или адаптация. При этом необычные звуки языка-источника заменяют более или менее сходными звуками заимствующего языка. Так между языками возникают звукосоответствия. Их учет очень важен при этимологизировании и определении языковой принадлежности географических названий. Остановимся на некоторых фонетических соответствиях коми-пермяцкого и русского языков в сфере топонимии.

Коми гласному «õ» (звук среднего рода и среднего подъема языка) в русском соответствуют «о» или «е». Например, слова *Мõдõрõб*, *Лõмва*, *Кõчшор* по-русски звучат *Модоробка*, *Лемва*, *Кечшор*. Звукосочетание *йõ* в коми словах, например, *Дõйõг*, *Йõгва*, в русском письме передается с помощью «е», «ё», то есть пишутся *Доег*, *Егва*. Коми «ы» часто, особенно после мягких согласных, переходит в «и», например: *Ошõб*, *Чойыл*, *Вильыб* в русском звучат как *Ошиб*, *Чойил*, *Вилиб*.

Коми-пермяцкие аффрикаты, то есть слитные звуки, в русском языке передаются следующим образом: звук «дз» с помощью «зь» или «ч» (*Чадзов* — *Чазево*, *Ульвидз* — *Ульвич*); звук «дж» — «ж» (*Джынтуй* — *Жинтуй*, *Ыджытшор* — *Ижитшор*); звук «тш» — «ч» (*Кутш* — *Куч*, *Метшкор* — *Мечкор*). Заударный звук «о» коми-пермяцкого языка в некоторых сложных названиях переходит в русское «е» (*Тышор* — *Тышер*, *Сивашор* — *Сивашер*).

Это далеко не все звукосоответствия между коми-пермяцким и русским языками, которые должен знать топонимист-исследователь, чтобы избежать ошибок. Гидроним *Омена* (бас. Косы) легко сблизить с коми-зырянским нарицательным словом *вомын* — 'плёс' (часть реки от одного изгиба до другого), если учесть, что коми-пермяцкому «о» в начале слова соответствует звукосочетание «во-» в коми-зырянских говорах. Топонимист, знающий звукосоответствия между русским и коми языком, в частности соответствие русского «ч» коми аффрикате «тш», не будет выводить коми топоним *Куч*, связанный с нарицательным *кутш* — 'орёл', из русского слова *куча* (скажем, *куча хвороста*).

Приспособление коми-пермяцких названий к русскому языку касалось не только фонетической стороны. Заимствованные топонимы нередко подвергались и мор-

фологическому освоению. При этом слова утрачивали грамматические приметы языка-источника и приобретали признаки русского языка. Коми-пермяцкие названия получали прежде всего признак грамматического рода. Топоним подводился под тот род, который подсказывался русским нарицательным названием географического объекта. Например, слово *река* женского рода, следовательно, и гидроним получал приметы этого же рода. Морфологическая адаптация происходила неравномерно. Неодинаковыми были и средства приобщения коми-пермяцких топонимов к категориям русского языка.

Менее всего соответствовали именам женского рода коми-пермяцкие гидронимы, оканчивающиеся на твердый согласный. Поэтому к ним нередко присоединяли русский гидронимический суффикс *-ка*. Так, *Изъяшор* превратился в *Изъящерка*, *Пыскор* — в *Пыскорка*. Суффикс *-ка* выступал иногда в осложненных вариантах: *Кыновка*, *Кыровка*, *Мошевка*. Основы ойконимов коми-пермяцкого происхождения часто получали оформление с помощью *-ы*, *-и*: *Сюзи*, *Волеги*, *Малямыши*, *Гачеги*, *Сырчики*. В конце непрямых гидронимов, оканчивающихся на согласный звук, в письме нередко появлялся мягкий знак: *Лочь*, *Кучь*, *Ручь*. Но оставались морфологически неадаптированными названия *Сын*, *Буб*, *Кын*, *Чус*.

Наиболее подходящими для русского языка оказались гидронимы с именем-формантом *-ва*: *Кизьва*, *Лемва*, *Сынва* и др. Они напоминали краткие прилагательные русского языка в форме женского рода или имена существительные на *-а* и в преобладающем большинстве случаев оставались без изменения. Только к.п. *Чусва* было изменено в *Чусовая* (см. с. 158—161).

На базе заимствованных топонимов впоследствии возникали новые названия, например уменьшительные:

Сылвица (от Сылва), Мошевица (от Мошва), Юсьвянка (от Юсьва), Сивинка (от Сива). Некоторые из освоенных коми-пермяцких названий получали дифференцирующие определения: большой или малый, северный или южный, восточный или западный и т. д. Так появились *Черная Сюзьва, Белая Сюзьва, Северный Чус, Полуденный Чус, Осиновая Лопва, Нилинский Янчер, Средняя Сия, Восточный Лёль, Северная Кельтма, Южная Кельтма, Северный Колчим, Полуденный Колчим.*

ИСКОННО РУССКИЕ ТОПОНИМЫ

Чисто русские названия, как уже отмечалось,* возникали там, где русские поселялись на еще необжитых местах. Создавая новые названия, они сосредоточивали внимание на том или ином признаке объекта, подмечали особенности растительного и животного мира или другие признаки. Основой топонима, особенно названий населенных пунктов, нередко становились, как и у других народов, антропонимы: личные имена, прозвища, а иногда фамилии первопоселенцев, владельцев участков. Письменные источники дают богатый материал о связи топонимов с местными антропонимами. Так, согласно ревизским сказкам, в 1858 г. в д. Некрасовы Пермского уезда (Ил.) было 6 семей Некрасовых, в Щёткино — 16 семей Щёткиных, в Субботино — 20 семей Субботиных.

Связь между ойконимом и фамилией в таких случаях не всегда прямая. Иначе говоря, не каждый ойконим, скажем, *Иванова, Иваново*, прямо связан с фамилией *Иванов*, и не всегда фамилия *Иванов* происходит от названия д. *Иванова, Иваново*. Но истоком ойконима и фамилии очень часто может служить одно и то же слово.

Дело, по-видимому, во многих случаях обстояло таким образом. В разросшейся крестьянской семье старший сын отделялся, очищал под пашню новое место и строил себе двор. Возникало поселение, которое получало имя или прозвище своего основателя, в редких случаях фамилию первопоселенца. В XIX в. фамилии у сельского населения значились только в официальных документах.

Связь личного имени с ойконимом, с одной стороны, и с фамилией, с другой, видна из следующей схемы:

1. Путь от личного имени к ойкониму:
 - а) официальный: первопоселенец *Иван* — починок *Иванов, Ивановский* — д. *Иванова* — с. *Иваново, Ивановское*;
 - б) народный, или разговорный: первопоселенец *Иван* — по коллективному прозвищу потомков или вторичному прозвищу по названию поселения — д. *Иваны, Иванцы, Иванята, Ивановы*.
2. Путь к фамилии: первопоселенец *Иван* — через отчество *Иванов* и родовое прозвание *Иванов, Ивановых* — фамилия *Иванов, Ивановых*.

Очень распространено в русской топонимии также образование топонимов из географических терминов, нередко без присоединения топонимических суффиксов, *Гора, Слудка, Грива, Камень, Кулига, Прорва, Падун, Прорыв, Просека, Полянка, Ключи, Увалы, Гуменцы, Бутырки* и др. В советское время распространились названия-символы и названия посвящения: *Заря, Дружба, Путь коммунизма, Имени Клары Цеткин, Ленинск*. Такие названия особенно часто присваивают колхозам и совхозам.

По структурным особенностям топонимы русского происхождения разделяют на следующие группы: 1) суффиксальные, или образованные с помощью

того или иного топонимического суффикса. Например: *Большуха, Пирогово, Ванино*; 2) бессуффиксальные, когда нарицательное слово, часто географический термин, входит в топонимию без форманта: *Мыс, Полом, Курья, Гора, Городище, Гарь*; 3) образовавшиеся в результате субстантивации — перехода прилагательного в существительное. Например: *Светлый, Октябрьский, Васильевское, Кленовский*; 4) созданные путем сложения основ: *Татаро-Чикаши, Новоильинское, Новозаболото, Новопетровка*; 5) представляющие собой сочетание слов, например: *Красный Октябрь, Красный Яр, Знамя Труда, Дубовая Гора*; 6) названия с первыми компонентами *верх-, усть-*: *Верх-Юм, Верх-Коса, Верх-Юсьва, Усть-Весляна, Усть-Коса, Усть-Онолва, Усть-Пожва, Усть-Чёрная, Усть-Янчер*. Такие ойконимы встречаются как в Коми-Пермяцком округе, так и в районах с русским населением. Но в большинстве случаев усеченные части *верх-, усть-* присоединяют к гидронимам нерусского происхождения.

Ойконимы с *верх-, усть-* в Верхнем Прикамье, по нашему мнению, появились следующим образом. Новые поселения в ревизских сказках нередко назывались описательно: *деревня верх речки Юсьва, деревня верх речки Коса*. Такие неудобные для общения названия сокращались — из них выбрасывали географический термин «деревня» и «речка». В качестве постоянных названий остались лишь *Верх-Юсьва, Верх-Иньва*, имевшие наибольший различительный смысл. Необычную для русского языка связь между компонентами (примыкание, отсутствие соединительной гласной) можно объяснить наличием в языке коми одноструктурных топонимов типа *Шорйыв, Иньвайыв*, то есть буквально *Верх-Речка, Верх-Иньва*.

Преобладающее большинство географических названий в русском языке образуется с помощью суффик-

сов. При этом следует иметь в виду, что в топонимии под суффиксом нередко понимают сплав суффикса в обычном смысле и окончания. Такой грамматический сплав принято называть формантом, или топонимическим суффиксом. Часть топонима, стоящая перед формантом, называется топонимической основой. При выделении такой основы нельзя игнорировать ступени топонимообразования (см. таблицу на с. 50).

Словообразовательный аспект изучения топонимии очень важен. Это облегчает этимологический анализ, помогает выявлению первоначального признака названия. Однако есть и обратная зависимость: чтобы суметь выделить формант, надо знать историю названия. Если известно, что топоним *Лобанов* образован от прозвища *Лобан*, тогда в нем имеется формант *-ов*. Если же основой топонима является фамилия *Лобанов*, тогда он не имеет форманта.

Названия населенных пунктов

Русские названия населенных пунктов в большинстве случаев образованы с помощью топонимических суффиксов. Наиболее распространенными являются ойконимы с суффиксом *-ы (-и)*, представляющим собой в нарицательной лексике окончание множественного числа. О природе *-ы (-и)* писали многие (44, с. 96), но выделение его в качестве топонимического форманта спорно и сегодня. Некоторые исследователи продолжают рассматривать топонимы на *-ы (-и)* только как форму множественного числа имен существительных.

В основе топонимов на *-ы (-и)* чаще прозвища и прозвищные имена. Например, в Ильинском районе встречаются: *Белканы, Белки, Ежи, Ельши, Мухлыги, Плеханы, Сутяги, Большаки, Малахи, Ковали, Не-*

Топоним	Антропоним				Нарицательное слово
	Фамилия	Отчество	Имя	Прозвище	
Иванов-ка	Иванов	Иванов (сын)	Иван	—	—
Иван-овка	—	—	Иван	—	—
Зайцев-о	Зайцев	Зайцев (сын)	Заяц	Заяц	заяц
Вотяков-о	Вотяков	Вотяков (сын)	—	Вотяк	вотяк
Городище	—	—	—	—	городище
Мысы	—	—	—	—	мыс

красы. Иногда с помощью *-ы (-и)* оформляют географические термины: *Броды, Ключи, Ляды*.

В Коми-Пермяцком округе топонимы на *-ы (-и)* единичны, они встречаются только в письменных источниках. В разговорном же языке такие названия произносятся без *-ы (-и)*: *Шуак, Шувак* (вместо *Шулаки*), *Галюк* (вместо *Галюки*), *Росока* (вместо *Рассохи*), *Гайна* (вместо *Гайны*). В писцовых книгах XVI—XVII вв. таких топонимов нет. Редки они и в ревизских сказках XIX в.

Формирование топонимообразовательной модели с *-ы (-и)* иллюстрирует таблица (с. 52), составленная по материалам двух сельсоветов Ильинского района. Она свидетельствует о том, что топонимообразовательная модель на *-ы (-и)* в топонимии Ильинского района укрепилась и заняла господствующее положение только в последние годы.

Во многих населенных пунктах Верхнего Прикамья до сих пор сохранились родовые прозвания на *-ы (-и)*, бытующие наряду с фамилиями. Например, в с. Искор некоторые жители с фамилией Нагорских имеют родовое прозвание *Савичевы*, у Пешехоновых два рода — *Пешехоновы* и *Ивановы*, а Ивановых и Чебиных относят к одному роду — *Чебины*. Среди прозвищ с. Долды Чердынского района встречаются *Васкинцы, Митревчи, Наташины, Огрунины, Мяны* и др. Невольно напрашивается предположение, что в истоках современных топонимов на *-ы (-и)* лежат имена или прозвища первопоселенцев, ставшие в разговорной речи родовыми прозваниями. Они, как мы знаем, очень устойчивы, особенно в сельской местности. И вполне понятно, что многие из них дошли до нас.

Имена первопоселенцев в документах дореволюционного времени были оформлены в качестве официальных топонимов по модели: деревня чья? — *Макурина,*

1850 г.

1909 г.

1968 г.

*Филатовский сельсовет (бывшая Филатовская волость)*Починок Орловский
(2 семьи Орловых)

Деревня Орлы

Деревня Орлы

Деревня Ромашево
(4 семьи Ромашевых)

" Ромаша

" Ромаша

Починок Некрасово

" Некрасова

" Некрасовы

Деревня Малоземово

" Малоземы

" Малоземы

Сретенский сельсовет (бывшая Сретенская волость)

Деревня Ерголас

Деревня Ерголасы

Деревня Ерголасы

" Гачегова

" Гачегова

" Гачеги

Починок Колыбаловского

" Колыбаловский

" Колыбалы

Деревня Бутканова

" Бутканова

" Бутканы

" Полоротово

" Полоротова

" Полороты

Некрасова; починок чей? — *Орловский, Колыбаловский*. Однако со временем народно-разговорная форма стала преобладать над книжно-официальной. А демократизация языка в годы Советской власти способствовала укреплению модели *-ы (-и)*.

Аналогичные явления отмечены в топонимах Кировской области. Здесь в некоторых районах, например Шабалинском, топонимы на *-ы. (-и)* составляют половину общего их количества. Причем многие названия на *-ово (-ево)* имеют параллельную разговорную форму на *-ы (-и)* или без него: *Окатово — Окаты; Скородумово — Скородум* (3, с. 48—53).

Форманты *-ы, -и*, укрепившись, стали распространяться на названия, в которых значение множественного числа совершенно ни при чем. С помощью этого суффикса в русскую топонимию стали включать также иноязычные названия. Все это позволяет считать *-ы, -и* полноправными топонимическими формантами, несмотря на их прошлое. Аналогичное происхождение имеют топонимические суффиксы *-ата (-ята)* и *-цы*.

Мало уступают по распространенности древние общеславянские суффиксы с принадлежностным значением *-ов (-ев), -ово (-ево), -ова (-ева)*: *Амосово, Антропово, Поспелова, Швецова, Медведева, Анферова, Козлово*. Топонимы с такими формантами — в прошлом притяжательные прилагательные — были вызваны к жизни утверждением частной собственности на землю и отвечали на вопрос, кому принадлежит место (пустошь, лес, деревня, село, починок и т. д.): *Петрово* (место), *Петров* (починок), *Петрова* (пустошь). В основе таких топонимов всегда антропоним.

Форманты *-ин, -ино, -ина* по функции тождественны указанным выше суффиксам. Они оформляют топонимы тоже антропонимического происхождения. Различие лишь в том, что их обычно присоединяют к основам

на *-а, -я*: *Аверино* (от *Аверя*), *Алёшино* (от *Алёша*), а также *Ананьино, Анастасьино, Мишино, Сорокино*.

Широкое распространение в пермской топонимии имеет формант *-ата* (*ята*). Только в Ильинском районе топонимы с этим формантом составляют около 15 процентов общего их количества. Топонимы на *-ата* (*-ята*) изучены относительно хорошо (44, с. 8; 30, с. 6—9). В их основе чаще антропоним — патронимическое прозвище по отцу, деду: *Терешата, Викулята, Малышата, Софронята, Романята, Калинята, Волчата*, а иногда — коллективные прозвища выходцев жителей из какого-либо населенного пункта, имеющего название антропонимического происхождения. Например, от имени *Софрон* когда-то возник ойконим *Софроново*, жителей деревни стали называть *софронята*. Это название позднее закрепилось в качестве нового топонима *Софронята*.

В связи с этим интересно отметить, что в коми-пермяцком языке, в котором нет топонимов на *-ата* (*-ята*), очень распространены названия жителей по населенному пункту. Так, жителей д. Кубенёво называют *кубенята*, Пиканово — *пиканята*, Абрашево — *абрашата*. Это похоже на то, как в русском языке называют детенышей животных: котята, гусята, галчата. В коми-пермяцкий язык такие слова проникли из окружающих русских говоров. Например, в с. Долды, где живут русские, встречаются прозвища жителей по населенным пунктам: *корнята* (д. Корнино), *орломята* (д. Орловка).

Материалы ревизских сказок середины XIX в. свидетельствуют о том, что многие названия с формантом *-ата* (*-ята*), возникли недавно. В той же Филатовской волости в 1850 г. не было ни одного названия на *-ата* (*-ята*), а в нынешнем Филатовском сельсовете, приблизительно совпадающем с границами волости, их 6. Новый формант возникал иногда на месте другого. Так,

в 1850 г. была д. *Макурина*, где было 2 семьи Макуриных; теперь это д. *Макурята*. Точно так же была д. *Давыдово* (6 семей Давыдовых), теперь она значится как *Давыдята*.

Формант *-цы* проник в топонимию как средство для обозначения выходцев из каких-либо мест, населенных пунктах: *андреевцы* (из д. Андреево), *таборцы* (из Таборов), *иньвенцы* (из бас. Иньвы), *косинцы* (из *Косы*).

Коми-пермяки заимствовали суффикс *-цы* в значении «жители такого-то населенного пункта». Позднее такие прозвища были перенесены на сами населенные пункты. Так, название д. *Канамова* звучит *Канамовчи* (в коми-пермяцком языке русское *-цы* переходит в *-чи*), д. *Казариново* называют *Казаринчи*, *Асанова* — *Асановчи*, *Ефремова* — *Ефремовчи*.

Топонимический суффикс *-ичи* первоначально имел патронимическое значение — отчество лица. Ср. *Ильич*, *Иванович*. Впоследствии значение его расширилось — он стал указывать на зависимое положение людей, на принадлежность их к какому-либо роду: *Фомичи*, *Емельичи*, *Захаричи*, *Коровичи*.

Ойконимы, аналогичные по форме прилагательным с суффиксом *-ск*, встречаются не так часто. Среди них можно выделить такие: 1) возникшие от названий церквей, религиозных праздников: *Богоявленск(ое)*, *Воскресенск(ое)*, *Архангельск(ое)*; 2) от собственных имен: *Александровский*, *Никитский*, 3) от названий революционных событий: *Октябрьский*, *Пролетарск*; 4) от имен выдающихся людей: *Ленинск(ий)*, *Чкаловск(ая)*. Утверждается тенденция образования ойконимов с суффиксом *-ск* без окончаний.

Относительно редки в Верхнем Прикамье топонимы с формантом *-ка* (*-овка*, *-евка*, *-инка*), имевшим первоначально уменьшительное значение, а впоследствии

ставшим суффиксом топонимов-существительных с различными значениями: *Березовка, Жердовка, Фёдоровка, Пожевка, Zubовка, Абрамовка, Ермаковка.*

Топонимы с формантом *-иха* представлены также не густо: *Головниха, Гуриха, Мусиха, Косотуриха, Опалиха, Глушиха.* Первоначальное значение суффикса *-иха* принадлежностное: *Данилиха* — принадлежащее Даниле, *Воробыха* — Воробью (прозвище). Впоследствии это значение сузилось до прозвищ женщины по мужу, редко по отцу. Прозвища по мужу встречаются повсюду: *Олексаниха* (от *Олексан* (Александр), *Захариха* (от *Захар*). Они имеют разговорно-просторечный характер и чаще употребляются в разговоре о третьем лице. Что касается топонимов на *-иха* в первом, то есть в принадлежностном, значении, то они тоже встречаются, но редко. Так, в Бондюжском и Вильгортском сельсоветах Чердынского района нами выявлено, что одно имя, скажем, *Орлиха, Гагариха, Игнашиха,* может относиться и к людям одного рода (обычно к женщинам), и к земельным угодьям — лугу, урочищу. В Прикамье изредка встречаются названия и с формантом *-щина*: *Бердниковщина, Елковщина, Тихоновщина, Сельковщина, Ярославщина, Мельковщина.*

Префиксация, то есть образование топонимов с помощью приставок (*Подгора, Загора, Закурья, Подбыка, Закамень, Запоскотина*), в русской топонимии Верхнего Прикамья играет менее заметную роль, чем суффиксация. В микротопонимии Верхнего Прикамья, почти не имеющей отражения в письменных источниках, богато представлены образования в форме косвенного падежа существительного с предлогом: *За гумном, Под гумном, У мельницы, За прудом, За болотом.*

Без специального форманта, как говорят — с нулевым суффиксом, входят в ойконимы местные географические термины: *Плёсо, Прорыв, Курган, Лука, Мыс,*

Берег, Болото, Бор, Галешник, Мочище, Городище, Лубнище, Репище.

Сравнительно продуктивны в Верхнем Прикамье ойконимы-словосочетания. Первый компонент в них указывает на расположение объекта (*Верхнее Брагино, Нижнее Брагино, Верхние Гари, Нижние Гари*), его величину (*Большая Дуброва, Малая Дуброва*), этнический признак жителей (*Русский Таз, Татарский Таз, Коми-Берёзовка*). Выделяются и топонимы-словосочетания типа *Берег Камы, База Кормосовхоза*, а также *Веселый Мыс, Горный Ключ, Высокое Поле*.

В ойконимии представлены также двухосновные, или сложные, названия. Специфика их образования изучена слабо. Здесь мы остановимся лишь на простейшей классификации таких ойконимов. Среди двухосновных ойконимов можно выделить: 1) сложносuffixальные, состоящие из двух основ (*Краснокамск, Красновишерск, Новоильинское, Новоодинцово*); 2) сложные по структуре (*Новожилово, Новоселово*), но топонимическая основа у них одна (*новожил-, новосел-*).

Названия рек

Русские гидронимы, как и ойконимы, чаще создавались с помощью суффиксов-формантов, из которых наиболее продуктивны следующие: *-ка* (*-овка, -евка, -анка, -инка, -енка*) — *Куликовка, Оверинка, Ваневка, Боровлянка, Гуляевка, Дресвянка, Мерзлянка, Ежовка*. С помощью суффикса *-ка* нередко происходит и гидронимизация (переход в гидронимы) названий населенных пунктов; *-иха*: *Макариха, Останиха, Обросиха, Комариха, Брюханиха, Сушиха*; *-ица*: *Боровица, Мошевица, Сылвица, Талица, Нерестовица*. Первоначально формант *-ица* имел уменьшительное значение.

Встречаются также гидронимы, образованные в результате субстантивации прилагательных (перехода их в существительные). Река какая? *Чёрная, Медвежья, Озёрная, Долгая, Рудничная, Омутная, Замельничная*. Изредка попадаются гидронимы, не имеющие топонимического форманта: *Утка, Векша, Кукушка, Куница, Росомаха*. В их происхождении не все ясно. Возможно, это буквальные переводы гидронимов, созданных предшественниками русских, или народные этимологии непонятных названий.

В русской гидронимии Прикамья имеются и названия в форме словосочетаний, например: *Крутой Лог, Сухая Платошна, Малая Копырка, Глухая Останиха, Большая Рассоха, Большая Озёрная*.

Таким образом, географические названия Верхнего Прикамья — продукт истории края, творчество разных народов. Будучи в постоянном употреблении людей разных национальностей, топонимы постепенно выравнивались, унифицировались, пока не приобрели форму, удобную для пользования всеми народами региона.

Топонимия Верхнего Прикамья, как и других территорий страны, нашла свое место в общем топонимическом фонде языков народов СССР. Укреплению этого фонда способствовали и способствуют такие факторы, как дружба народов, их территориальная, экономическая, идеологическая и культурная общность. В Конституции СССР записано, что в нашей стране «на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ».

Преображая лицо земли, советские люди создают и новые географические названия, свидетельствующие о достижениях в строительстве зрелого социалистиче-

ского общества. Важнейшая роль в формировании межнационального топонимического фонда принадлежит великому русскому языку, ставшему языком межнационального общения, а для многих нерусских и вторым родным языком.

На всей территории Прикамья, независимо от того, какой народ преобладает в той или иной местности, новые названия возникают часто из слов русского языка. Об этом, в частности, говорят названия поселков Коми-Пермяцкого округа, созданных в 50—70-х годах для лесников: *Берёзовка, Пограничный, Каменка, Дружба, Мирный, Рябиновка, Лесной, Камский, Кордон, Райбольница, Сельхозтехника, Светлица*. Во многих названиях новых поселков улавливаются и гидронимы, унаследованные русским языком из языка предшественников русских. Таковы, например, *Вижаиха, Колва, Чепец, Валай, Лобырь, Сумич, Низьва, Зерна, Пильва, Ухтым*.

Некоторые поселки Коми-Пермяцкого автономного округа получили названия из языка коми-пермяков: *Ягдын* — буквально '(место) у бора', *Шордын* — '(место), у ручья', *Изгарьян* — '(место), — где добывают гравий, камень'. Эти и другие слова также становятся достоянием топонимии Верхнего Прикамья, а через нее попадают в общий топонимический фонд народов СССР. Так топонимы, вслед за терминами и антропонимами, обгоняя обычные слова, идут по пути интернационализации.